

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ВУЗОВСКОЙ ПАРАДИГМЫ В САМАРЕ В 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.**

В исторической литературе закрепилось мнение, что социальные и культурные процессы, в том числе в сфере образования, в Советской России 1920-х – начала 1930-х гг. являлись отражением происходивших в стране политических и экономических процессов. Пытаясь освободиться от этого суживающего взгляда, мы предполагаем рассматривать образовательную политику в сфере высшей школы в соответствии с теми областями социально-культурной жизни, которые должны были если не влиять на нее напрямую, то определять специфику ее функционирования. Такими областями являлись наука и культура.

Революция 1917 года принесла весьма противоречивые явления в жизнь российской высшей школы, в том числе самарской. Разрушая прежнюю модель организации системы образования и принципы функционирования её как института, она в то же время создавала возможности для решения многих проблем, служивших камнем преткновения для высшей школы поздней императорской России. В частности, революция решила вопрос о создании в Самаре первого высшего учебного заведения, которое начало свою работу даже в условиях экономической разрухи и политической нестабильности 1917 года.

С точки зрения решения «университетского вопроса» 1917 год стал для Самары своего рода «осевым временем», завершившим многолетние дискуссии о необходимости создания в городе вуза и увенчавшим реальным делом несколько «бумажных» институтских проектов (политехнического института, университета, сельскохозяйственного института). Открытый в 1917 г. Педагогический ин-

* © Жердева Юлия Александровна (jujuly@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет, доцент кафедры институциональной экономики и экономической истории.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области в рамках научного проекта № 18-49-630008 «Опыт социального проектирования в сфере высшего экономического образования Самарского края первой половины XX в.».

ститут стал первым самарским вузом, совершившим набор студентов (290 человек) и начавшим преподавание¹.

Развернувшаяся с первых же дней дискуссия о возможности преобразования педагогического института в университет с открытием при нем пяти факультетов (историко-филологического, физико-математического, юридического, медицинского и политехникума) с новой силой обнажила противоречивую позицию городских элит (думы, управы, биржевого комитета, городской интеллигенции, купечества). В 1917 г. педагогический состав института, во многом состоявший из видных российских педагогов и ученых (В.Н. Петрец, М.И. Ливеровская, В.П. Адрианова, В.В. Гориневский, П.П. Лебедев, М.А. Александрова, Е.И. Тарасов), оказавшихся волею судеб в Самаре в годы Первой мировой войны, отстаивал идею создания университета. Группа самарских земцев (А.В. Тейтель, В.В. Тейс, Н.Л. Дмитриев), напротив, выступала за создание отдельного политехникума с экономическим отделением, утверждая, что он будет более полезен городу, чем классический университет². Разразившаяся дискуссия тем более удивительна, что те же земские деятели были активными проводниками идеи Самарского университета в 1916 году.

В целом эта дискуссия демонстрирует две парадигмы модернизации вузовской системы, между которыми выстраивалась политика в отношении высшей школы с начала 1910-х до начала 1930-х гг. Первая парадигма — «университетская». Это классический подход, рассматривавший развитие высшей школы как процесс экстенсивный — расширение числа университетов, доступа к ним низших социальных слоев и увеличение количества университетских факультетов (за счет появления факультетов технических, экономических и пр.). Вторая парадигма — «технологическая». К ней мы относим идею развития высшей школы путем расширения технического институтского образования, более практико-ориентированного, специализированного, отвечающего на вызовы технологической революции конца XIX — начала XX в. На противостояние двух этих подходов указывает даже динамика численности студентов: самым массовым факультетом российских университетов до революции 1917 г. был юридический, в начале 1930-х гг. — естественно-научные факультеты³. Эти изменения стали результатом развития высшей школы первой трети XX века как социального института и могут рассматриваться как целостный процесс. Рассмотрим далее культурный и научный контексты трансформации системы высшего образования в Советской России 1920-х — 1930-х гг.

Культурный дискурс

Историографическая традиция противопоставления 1920-х годов как времени «альтернативы» и 1930-х — как периода «сталинизма», утвердившаяся в отечественной исторической науке с начала 1990-х гг., подверглась существенной коррекции в 2000-х гг. под влиянием западной историографии. Культурный дискурс этого времени в работах Штефана Плагенборга стал рассматриваться как набор хаотичных действий, не имевший единого культурного плана ни в теории, ни на практике⁴. И хотя он выстраивался вокруг одного и того же концепта: новая культура и новый человек, — его нельзя считать монолитным и безальтернативным.

Так, Шт. Плагенборг выделяет в советском обществе четыре «группировки», определявшие сегменты культурного дискурса и предлагавшие разные варианты созидания новой культуры: 1) теоретики-большевики, исходившие из теории революции, отвергавшей любую эволюцию и значимость прошлого и предполагавшей «великий культурный проект» — немедленное создание новой культуры; 2) практики-«просветители», среди которых были и партийцы, и так называемые «буржуазные специалисты» (краеведы, методисты, экскурсоводы), которых отличали практичность и признание ценности исторического прошлого как источника созидания настоящего; 3) приверженцы идеи о новой культуре как о возвращении человеку утраченной им целостности (через труд, военную службу, физическую культуру и пр.); 4) мифотворцы, создававшие миф «новой культуры» (о начале пути, о светлом будущем, о справедливой войне, об оправданном насилии и пр.), разъясняя населению смысл разрушения до основания «старого мира» и объясняя ему, почему задерживается созидание «нового»⁵.

Плагенборг отмечает, что все эти проекты были частью своего рода «системы воспитания» и имели авторитарный характер, то есть предполагали «революцию сверху» (радикальные преобразования, задуманные небольшой группой людей для всей массы населения страны). Он полагает, что эти культурные проекты 1917-1932 гг. создали своего рода «культурный код» эпохи, для которого были характерны «авторитарные притязания, всеохватность концепции реорганизации духа и тела, военизация», разделение на «своих» и «чужих», воинственность и непримиримость⁶. Введение характеристик такого «культурного кода» позволяет Плагенборгу утверждать, что «сталинистское» мышление и «сталинистские» методы реализации культурных проектов проявились уже в 1920-е гг., а язык сим-

волов, использовавшийся в 1930-х, сформировался уже в первые пять лет существования советского режима⁷.

Рассматривая образовательную политику в области высшей школы в соответствии с таким пониманием культурных преобразований в целом, мы можем проследить борьбу нескольких группировок и объяснить непоследовательность мер. В отношении реформирования высшей школы мы видим, с одной стороны, хаотичные попытки преобразовать её, решив одновременно проблему её «демократизации» и «идеологической изоляции» (оторванности «буржуазных профессоров» от студенческой массы), а с другой — стремление новых реформаторов приблизить высшую школу к запросам времени и усложнить её структуру за счет появления широкой сети специализированных институтов (технических, экономических, ветеринарных и т.д.).

Новая социальная концепция государства замещала прежнюю систему социального неравенства, при которой полным набором социальных благ пользовались лишь выходцы из дворянской, купеческой и интеллигентской среды, новой системой неравенства — «диктатурой пролетариата», в которой полюса поменялись местами и прежние социальные «элиты» оказались в угнетенном состоянии. На деле это оборачивалось запретом принимать в вузы выходцев из непролетарских слоев свыше определенной нормы. Студентам, как и служащим, приходилось скрывать или фальсифицировать свое социальное происхождение, которое становилось клеймом и могло стать препятствием не только для возможности учиться в техникуме или в вузе, но и для дальнейшей работы.

Благотворная по своей природе идея «демократизации» общества создавала новые конфликты, активировала нетерпимость рабочих и крестьянской бедноты по отношению к бывшему «среднему классу» и дворянской элите, становилась поводом для травли, подсиживания, доносительства, усиливала социальную агрессию. К «старой профессуре» добавились социально проверенные, но недостаточно квалифицированные преподаватели, нередко занимавшие должности только благодаря членству в партии большевиков и подходящему социальному происхождению. К снижению уровня подготовки профессорско-преподавательского состава добавились новые требования сделать науку и образование более «советскими», то есть партийными и марксистскими по форме и содержанию.

В целом становление советской высшей школы проходило в крайне тяжелых условиях. Активный процесс провозглашения вузов,

создание которых так долго тормозила имперская государственная система, при отсутствии денег в казне молодого Советского государства, в условиях Гражданской войны, экономического кризиса и голода, при непродуманной и опрометчивой «чистке» кадров, вымывавшей из профессорского состава представителей «старых сословий» — дворянства, интеллигенции, купечества, — поставили высшую школу в стране на грань выживания. В то же время с 1918 г. значительно расширился приток в число студентов выходцев из рабочей, красноармейской и крестьянской среды, давая возможность талантливой молодежи получить высшее образование, нивелируя прежнюю социальную пропасть между высшими и низшими сословиями.

Кардинальная перестройка всей системы образования в стране шла по пути «пролетаризации» образования, то есть увеличения в учебных заведениях, в том числе и высших, «пролетарского элемента» — выходцев из семей рабочих и беднейшего крестьянства. Этот противоречивый процесс, с одной стороны, способствовал демократизации высшей школы, должен был сделать высшее образование доступным не только средним и высшим социальным группам, но и низам, однако, с другой стороны, он нанес колоссальный урон всей системе высшего образования.

Научный дискурс

Научный дискурс раннего советского времени, по мнению Александра Дмитриева, необходимо рассматривать в перспективе не только советских, но и общемировых тенденций массовой мобилизации и ускоренной индустриализации межвоенных десятилетий. Дмитриев видит в создании советской модели развития науки, включавшей в себя систему научно-исследовательских институтов, планирование научной работы и прочие стандартизирующие механизмы, одну из форм организационных и содержательных изменений самого понятия науки и её функционирования как института⁸. При этом замыкание советского научного сообщества под давлением государства происходило на фоне складывания крупных национальных научных школ⁹.

Новая модель науки открывала новые возможности и перед Самарским университетом (1918–1923). Ректорат университета в 1919–1921 гг. неоднократно предпринимал попытки превратить вуз в центр науки, образования и культуры Поволжья. К примеру, в декабре 1920 г. руководство вуза подало ходатайство об учреждении в Сама-

ре Института истории материальной культуры (Археологического института), а также предполагало создать Институт новых языков в Самаре. Среди инициаторов этих проектов были: профессор А.П. Нечаев, первый ректор университета, один из создателей педагогической школы в России, а также видные литературоведы и лингвисты – академик В.Н. Перетц, академик А.П. Баранников, профессора В.П. Адрианова-Перетц, Е.И. Тарасов, А.В. Багриль, будущий академик М.Н. Тихомиров и др.¹⁰ Они видели Самару центром, к которому тяготели только что созданные Башкирская и Киргизская республики, нуждающиеся в культурной поддержке, и не хотели упустить возможность для институционального роста университета. И хотя в этих идеях самарской профессуры было больше прожектёрства, чем взвешенного многофакторного планирования, они позволяют нам говорить о том, что молодой Самарский университет оказался в эпицентре бурных изменений высшей школы и готов был им соответствовать. Рассмотрим «флагманские» проекты университета на примере планируемой работы экономического отделения.

В благоприятной атмосфере разрастания университетских факультетов и бурного проектирования новых специальностей, которых не знала консервативная университетская система Российской империи, в Самарском университете появляется идея открыть Экономическое отделение. Оно должно было компенсировать отсутствие в Самаре высшего экономического образования, так и не появившегося осенью 1917 г. при Политехническом институте. В отличие от экономического отделения Политехнического института, задумывавшегося как прикладное, новый проект создавался в русле академических университетских традиций. Особенностью его было соединение экономических, исторических дисциплин и социологии. Потребовалось даже преобразовать и сам Историко-филологический факультет, в недрах которого вызревала эта идея, – он стал Социально-историческим.

В январе 1920 г. на Социально-историческом факультете университета было решено сформировать Социально-экономическое отделение, занятия на котором начались уже осенью 1920 г. Совет факультета принял решение до окончательного формирования отделения все социально-экономические дисциплины оставить в рамках исторического факультета, дополнив их курсом экономической географии¹¹. Первой проблемой стало отсутствие в Самаре необходимого количества профессоров, специализировавшихся в разных

областях экономики. Совет Самарского университета надеялся восполнить этот пробел путем объявления Всероссийского конкурса и персонального приглашения преподавателей из Москвы, Казани, Одессы, Иркутска и ряда других городов. Основные надежды возлагались на согласие переехать в Самару преподавателей Казанского университета: Н.Ф. Катанова, Н.И. Ашмарина, А.И. Емельянова, Ю.А. Иванова, П.Г. Архангельского, Н.М. Петровского, Т.Н. Матвеева и др.¹² Ректор университета, профессор В.Н. Ивановский, в июне 1920 г. даже специально поехал в Казань для ведения переговоров. Для чтения экономических дисциплин было решено пригласить уже известного в России специалиста по социально-экономической истории средневековой Англии Н.П. Грацианского (1889-1945) и подававшего большие надежды молодого экономиста и социолога Н.В. Первушина (1899-1993). Планировалось также пригласить известного специалиста по страхованию и денежным системам П.А. Никольского (1858-1921). Кроме того, университет смог привлечь на работу одного из создателей научной школы земской статистики, известного самарского экономиста Г.И. Баскина (1866-1938), которому было предложено читать на Социально-экономическом отделении курс статистики¹³.

Наряду с учебными инновациями предполагалось также обучение формам научного исследования в рамках Экономического семинария. В эпоху становления советской системы высшего образования семинарии стали способом формирования новых научных подходов и сделались чрезвычайно популярными в высшей школе. Семинарии были наследием «гумбольдтовской модели» образования, предполагавшей сочетание педагогической деятельности преподавателей с исследовательской¹⁴. При Самарском университете были организованы экономический семинарий, семинарий русского языка и литературы и ряд других. Для работы семинария требовалась хорошая библиотека, доступность новейшей научной литературы и опубликованных источников, а также знание иностранных языков, чтобы студенты могли самостоятельно читать новейшие зарубежные исследования. Экономистам, к примеру, обязательно было нужно знать немецкий язык.

В июне 1920 г. Совет факультета утвердил устав Семинария, представленный И.В. Долгих¹⁵. Предварительная смета требовала финансирования в размере 1 млн 906 тыс. руб.¹⁶, — суммы, совершенно несопоставимой с возможностями Самары 1920 г. Ясно, что найти эти деньги университет не мог. В ноябре 1920 г. отчаявшийся

И.В. Долгих просил выделить хотя бы 100 тыс. руб. для пополнения библиотеки, однако и этих денег он не получил¹⁷. Формирование библиотеки шло очень тяжело. Создававший кабинет кооперации И.М. Гриштейн жаловался: «Приходилось мне вместе с моими слушателями таскать книги по улицам на собственных плечах. Не удалось найти иностранной литературы и старинной русской»¹⁸.

К сентябрю 1920 г., когда на Социально-экономическом отделении начались занятия, удалось набрать 47 студентов¹⁹. Из-за кадровых проблем лишь к декабрю 1920 г. состав профессоров и преподавателей был сформирован окончательно: курс политэкономии и истории экономической мысли должен был читать И.В. Долгих, курс статистики – Г.И. Баскин, учение о кооперации – И.М. Гриштейн, социологию и историю экономической жизни – Н.В. Первушин, общее учение о праве и государстве – Т.Н. Новицкий, социальную гигиену – В.В. Гориневский²⁰.

Большой удачей для университета было согласие перебраться в Самару Н.В. Первушина. В октябре 1920 г. он был официально избран профессором кафедры истории хозяйственного быта. Проектируемый им на летний триместр курс «Социологическое введение в изучение истории экономической жизни» предполагал превращение Самарского университета в пионера экономической социологии²¹. Однако уже в марте 1921 г., после разгрома социологии как «буржуазной науки», этот курс был отменен, а к летнему семестру закрылось и само Социально-экономическое отделение.

Осенью 1923 г. в связи с острейшими финансовыми трудностями, вызванными политической ситуацией, разрухой и голодом, Самарский губисполком объявил о том, что больше не может содержать на свои средства университет, и ходатайствовал перед Наркоматом образования о взятии университета на государственный баланс или временном его закрытии. Центр отказал в финансировании, и Самарский университет приступил к самоликвидации. В целом деятельность Самарского университета имела большое значение для будущего подъема высшего образования в крае. Бурный рост высшей школы в Среднем Поволжье в начале 1930-х гг. был бы невозможен без созданных университетом научно-исследовательских учреждений, без собранных и подготовленных им научно-педагогических кадров, библиотечных фондов.

Ликвидация в 1923 г. Самарского университета и Промышленно-экономического института (1921–1923) существенно подорвала систему высшего образования в Самаре. Местная власть и обще-

ственные организации, осознавая важность проблемы, пытались найти выход из создавшегося положения. В ноябре 1926 г. бюро Самарского горкома ВКП(б) специально обсуждало положение вузов в городе, а через год приняло решение о скорейшем возрождении высших учебных заведений. Ситуация действительно была катастрофической. Отсутствие инженерно-технических кадров ставило под угрозу проведение масштабного реформирования промышленности. В связи с этим правительство СССР решило вернуться к вопросу о восстановлении высших учебных заведений в Самаре.

Новый виток реформирования системы высшего образования был связан с задачами индустриализации и делал ставку на профильное институтское образование. В 1929 г. был открыт Средне-Волжский педагогический институт, в 1930 г. — Самарский строительный учебный комбинат, Средне-Волжский краевой медицинский институт, а также три высших технических учебных заведения (механический, энергетический и химико-технологический институты), объединенные в 1934 г. в Средне-Волжский индустриальный институт. Последним звеном в системе самарских высших учебных заведений стал Средне-Волжский плановый институт, открывшийся в 1931 г.

В 1930-е гг. город стал крупным центром развития высшего образования. В городе были открыты восемь институтов, не считая филиалов: механический, энергетический, химико-технологический, строительный, агролесомелиоративный, плановый, ветеринарный, геологоразведочный институты, а также филиал Московского транспортного института. По количеству вузов, числу студентов и значимости профессорско-преподавательского состава город занимал одно из ведущих мест в стране, уступая лишь Москве и Ленинграду. Уникальность высшему образованию Самарского региона придавала подготовка в вузах национальных кадров, обеспечивавшая образовательный и культурный подъем коренных народов Поволжья (чуваши, мордва, татары, удмурты и проч.).

Таким образом, на примере трансформации системы высшего образования в Самаре первых десятилетий новой власти мы видим, что в самом начале (1918-1923 гг.) победила университетская парадигма, а в начале 1930-х гг. — технологическая.

Примечания

¹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 1212а. Л. 2.

² Очерки истории Самарского государственного экономического университета (к 85-летию со дня образования) / отв. ред. Г.Р. Хасаев, Н.Ф. Тагирова. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2016. С. 74.

³ Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Неприкосновенный запас. 2012. Т. 122. № 4. С. 109.

⁴ Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. Ирины Карташевой. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 322.

⁵ Там же. С. 323-326.

⁶ Там же. С. 331.

⁷ Там же. С. 333.

⁸ Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920-1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 8. С. 11.

⁹ Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3–24.

¹⁰ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 281. Л. 25–26 об.; Д. 302. Л. 691.

¹¹ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 140. Л. 221.

¹² ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Л. 24-25.

¹³ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 140. Л. 227.

¹⁴ Антошенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 139-140.

¹⁵ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 140. Л. 221 об.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Л. 355 об.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Л. 83.

¹⁸ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Л. 141 об.

¹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Л. 141.

²⁰ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Л. 106 об.

²¹ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Л. 302.